

ОЧЕРКИ, ЭССЕ, ЗАРИСОВКИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-29.yat9-an88

EDN: DTHTWU

УДК 316.728

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЩЕЛКИН

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия*

«МЫ ВСЕ — ВОЙНЫ ШАЛЬНЫЕ ДЕТИ, И ГЕНЕРАЛ, И РЯДОВОЙ»

Аннотация. В эссе представлены воспоминания детства автора о Великой Отечественной войне, блокадном и послевоенном Ленинграде. Реконструируются памятные моменты жизни поколения, которое сражалось в тылу и начинало мирную послевоенную жизнь. Описывается социальная атмосфера Ленинграда после майской Победы 1945 г. Отображается «поток жизни» послевоенного детства, воссоздаваемый на основе автобиографического материала.

Ключевые слова: война, фронтовик, поколение, Ленинград, двор, дети, пленный, фашизм

Ссылка для цитирования: Щелкин А. Г. «Мы все — войны шальные дети, и генерал, и рядовой» // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 29. — С. 138–143. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-29.yat9-an88; EDN: DTHTWU

Напишешь, хоть на бумаге, хоть в памяти, «Май 1945», и встает картина хрестоматийной значимости. Картина эта не уходит и не уйдет. Но воспринимать, понимать, вкладывать смысл в тот «День Победы» мы можем именно из «сегодня», поневоле *обремененные «современностью»*. В мае 1945-го послевоенная Современность только начиналась, и поколение победителей было полно ожиданий, а воспоминания о войне были еще впереди. Теперь, в год 80-летия Великой победы, мы движемся к череде следующих юбилеев с понятной заботой о сохранении того абсолютного смысла, который умещается в два слова «Май 1945».

Конечно, осознаваемое пребывание в истории не лишено своего коварства. Все перечитывается заново, даже классика. Как любил говорить Л. Фейербах: «Каждое поколение по-своему перечитывает Библию». При правильном устройении жизни все-таки приоритет не за восприятием, а за самой реальностью. В нашем случае «оптика» любой «современности» может, но не должна заслонять / искажать подлинность «Мая 1945».

***

Так уж случилось, что пишущий эти строки выбрал социологическую профессию, а лет так за двадцать с небольшим до этого выбора «случилось» ему родиться в Ленинграде. Была война, и была последняя блокадная зима в осажденном городе.

Социологический язык замысловат, но не настолько, чтобы потерять способность передавать простые до незамысловатости истины. Одна из таких аксиом: «мы — в обществе, а общество — в нас»; «мы не просто на той войне, но и война — в нас».

Когда заговорила война с ровесниками моего поколения? Мы были поколением, родившимися во время войны. Но война заговорила с нами гораздо позже. Сужу по себе. И в чем-то осуждаю себя. Война шла против войны. «Смертию смерть поправ». Нас же, молодых, двадцатилетних, захлестнула уже другая, мирная, жизнь. В этом была своеобразная неизбежность. Большинство из моих одногодков, не видя в лицо фронтовой войны и часто «войны тыловой», тем не менее, как поколение, начинало жизнь среди *живых* фронтовиков и людей, знавших цену войны в ее тылу. До сих пор помню кой-какие словечки из той эпохи. Сегодня мы, то есть остатки того поколения, о котором говорю, продолжаем земное путешествие (и как говорят на мудром Востоке, «Да продлятся дни этого дара судьбы!»), — продолжаем путешествие в окружении других и даже совсем «других» поколений — «миллениума», «генераций икс, игрек, зет». А если угодно, и «альфа», «бета», «гамма». Их дистанция «от» или «до» Мая 1945 кажется астрономической — в пору хоть спрашивать: «Что им Гекуба, что они Гекубе?»

...Куда денешься: помню «республику Шкид» нашего детства, дом 16 по 21-й линии Васильевского острова города, долго именовавшегося Ленинград, но в народном сознании проходившего чуть ли не с петровского основания под (на)званием Питер. Все крыши сараев во дворе принадлежали нам, хулиганистым ребятам, чуть ли не по праву собственности. Сами сараи лепились в пространстве между

несколькими корпусами этого дома № 16 и, собранные на скорую руку, скорее напоминали какие-то китайские лачуги, почему и получали (так было по всей стране) выразительное прозвание «шанхай». По лабиринту проходов между сараями-лачугами мы «утекали» от их разгневанных хозяев, а вслед за нами летели поленья и родной мат, с которым мы познакомились раньше, чем с изысками русской речи.

...После десяти часов вечера дворничихи со свистком гнали нас со двора в коммуналки к родителям. Мы прятались в подъездах, где в плохо освещенном пространстве травили всякие страшилки якобы из хроники блокадного города. Фигурировали огромные мясорубки, железные скрипучие двери и прочая муть городского мифотворчества. Ужас, однако, состоял в том, что, взвинченными страхами, каждому из нас нужно было в полной осенней темноте пробираться в одиночку к своим подъездам, по своим лестницам, на свои этажи, где «страшное» поджидало на каждом шагу.

Играли во всякое, в том числе в «пристеночек» и «чхе, орлы мои». Кто играл, знает, что сей продукт «культурной этнографии» означает. Кому это ни о чем не говорит, тот знает «другое», «свои» игры, и мы с этими поколениями квиты. Просто нас, не задумывавшихся над этим, не отпускала, сопровождала война.

В моем случае об этом можно было говорить буквально. Где-то в Европе, в Германии, действительно майскими короткими ночами 1945 года, отгремев, закончились бои. А у нас во дворе стояли... немцы. А за несколько лет до «Мая 1945» в один из блокадных дней молодая женщина пошла в булочную отоварить свои карточки. Вернулась она к полностью разрушенному дому. После меткого немецкого бомбометания осталась только часть стен по периметру этого дома да жуткая мысль у этой еще молодой женщины, что было бы с ней, не пойди она в эту булочную. Ей дали «площадь» тут же в одном из рядом стоящих корпусов дома 16 по 21-й линии все на том же Васильевском острове. А в 1943 году у нее родился мальчик — рассказчик этих воспоминаний. В 1946–1948 годах в нашем дворе пленные немцы (про них и речь) восстанавливали, точнее говоря, строили заново тот дом, в котором до его разрушения жила моя мама. Я жив до сих пор. Но все оказывается так зыбко и негарантированно, когда оказываешься на границе «войны и мира»: мама могла и не пойти за хлебом в тот день. В какой «жизненный мир» прикажете поместить все того же субъекта, взявшегося за эти реминисценции? «Поток жизни» неостановим. Но отдельным экземплярам от этого бывает не легче. Отдельным экземплярам (как в данном, моем, случае)

приходилось жить рядом с этими немцами, которые сделали мое, мамино существование случайным, необязательным.

Стройка была обнесена очень высоким деревянным забором с колючей проволокой и вышкой для часового. Однажды, пробегая вдоль этого забора, я резко остановился. Кто-то отодвинул в сторону доску и поманил меня рукой. Впрочем, что значит «кто-то»? Там могли быть только «они», немцы. В образовавшуюся щель, как мне помнится, совсем не страшный пожилой немец стал показывать игрушку. Это был сочно разукрашенный домик-копилка с прodelанной прорезью на крыше этого домика. Немец протягивал подарок и простуженным голосом говорил только одно слово. Когда прошла первая растерянность, я слышал русское слово «Хлеб!».

Я побежал за хлебом. Немец не мог знать, куда и зачем я побежал. Он просто вернул доску забора в исходное положение и ждал с другой стороны. Видимо, он надеялся на то, о чем просил. Я же не тогда, а гораздо позже думал, а почему я не показал ему «комбинацию из трех пальцев» или не кинул первый попавшийся камень в доску, за которой скрывался мой враг. Ответ как-то не приходил мне в голову. Дома же, влетев на общую кухню, я, доставая кирпич черного хлеба, спросил соседку, сколько отрезать немцу. Вопрос не удивил ее. Она ответила, я отрезал больше. Через несколько минут у забора состоялся мой «патлач» с первым в моей жизни живым немцем. К слову сказать, история эта повторилась. В другой раз в обмен на хлеб я стал обладателем деревянной ярко расписанной фигурки паяца с дергающимися ручками и ножками.

Говорят, что пленных можно и пожалеть. Такое было и на той войне. Человеческое сердце (особенно женское) сердобольно. Международное право регулирует и даже защищает права пленных. Но разве не подлинный гнев и обескураживающее смятение не оставлял русским женщинам выбора: когда по Москве в июле 1944 года был проведен «Марш немецких пленных», в сторону немцев летели не только гневные и немигающие взгляды, но и крики и плевки презрения.

Помню и «продолжение» этой темы. В начале 1960-х в прозе молодых писателей о войне зазвучало примиренческое настроение: «жертвы были со всех сторон», «виноват Гитлер» и т. д. Так далеко и своеобразно не заходили в это время даже сами немцы. Будучи в Германии в первой половине 1990-х, я видел, как была смущена, если не испугана, одна молодая немка, когда я рассматривал в ее присутствии фотографию, изображавшую сцену собрания довольно рядовых «партайгеноссе»

в довоенную эпоху Третьего рейха, — рассматривал фотографию, которую не помню, где обнаружил, переезжая с места на место по Германии.

Так вот, когда в упомянутые 1960-е в советских художественных журналах появились рассказы и повести молодых авторов, которые, скажем так, облегченно поднимали вопрос «немецкой вины», зазвучал голос и старшего поколения, писателей и поэтов — фронтовиков. Помню, потому что было чему врезаться в память. Голос прозвучал не из высоких партийных инстанций по поводу якобы отклонения от официальной идеологии и т. д. То был голос фронта. Один эпизод застрял тогда же в моем сознании молодого новобранца, каким проходил срочную службу на заснеженных просторах мурманских сопок. В библиотеке военной части прочел стихотворение Мих. Светлова «Итальянец». Стихотворение, как оказалось, было написано в 1943 году. Но и спустя десятилетия оставалось неизменным: суть *смерти на войне* плохо поддается пониманию, если к этой трагедии подходят с сугубо отвлеченных, абстрактных, беспринципных позиций. Стихотворение как бы вторично заговорило именно в тот период, о котором идет речь. Приведу на свой выбор немного:

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
[...] Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеко!
[...] Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето
[...] Здесь я выстрелил! Здесь — где родился...
[...] Я стреляю — и нет справедливости
[...] Справедливее пули моей!

О «Мае 1945» сказано самое главное: это была победа над ФАШИЗМОМ. Фашизм бывает и «с человеческим лицом». Мы завалили самое страшное и расчеловеченное чудовище — коллективное безумие Третьего рейха. Тогда было так: «Или мы, или они!» Третьего не дано.

Россиянам есть чем гордиться. И беспримерной стойкостью, и неистраченной трепетностью русской души (без кавычек) на той войне. Пусть молодежь в России, к какой бы генерации она ни относилась (икс, игрек, зет и далее по текущей классификации), проведет время за чтением «Русского характера» Алексея Толстого. Произведение художественное, а правда там подлинная.

Сведения об авторе

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
evropa.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5239-0341
SPIN: 9033-2946

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 02.08.2025;
принята к публикации: 07.08.2025.

ALEXANDER G. SHCHELKIN

*The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

**“WE ARE ALL CRAZY CHILDREN OF WAR,
BOTH GENERAL AND PRIVATE”**

Abstract. The essay presents memories of the Great Patriotic War, besieged and post-war Leningrad. Using sociological language, the author reconstructs the life of a generation that began to live in the first post-war years and fought in the rear. It describes the “life world” of Leningrad after the May 1945 Victory. Special attention is paid to the “stream of life” of the post-war childbearing, which is recreated on the basis of autobiographical material.

Keywords: war, soldier, generation, Leningrad, yard, children, prisoner, fascism

For citation: Shchelkin A. G. “We Are All Crazy Children of War, both General and Private”. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No 29. P. 138–143. DOI: 10.25990/socinstras.pss-29.yat9-an88; EDN: DTHTWU

Information about the author

Shchelkin Alexander G., Doctor of Philosophy, Leading Researcher,
The Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation.
evropa.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5239-0341
SPIN: 9033-2946

Received: 18.07.2025;
revised after review: 02.08.2025;
accepted for publication: 07.08.2025.